

Увидев, кто вошёл вслед за Куй У, Цинь Хэ наконец с облегчением выдохнул - это были вовсе не какие-то там жрецы-экзорцисты, а мать с дочерью из семьи Сян. Камень с души свалился, сердце снова забило в нормальном ритме.

— Далан, ты вернулся... — осторожно окликнул Цинь Хэ, испытующе глядя на Куй У.

Тот, как ни в чём не бывало, кивнул:

— Ты себя плохо чувствуешь, я купил свинины и попросил Сян-дасао помочь приготовить.

Он снял с плеч корзину и показал её содержимое. Увидев мясо и потроха, у Цинь Хэ загорелись глаза, и без того пустой желудок заурчал ещё сильнее. В тот же момент Куй У тоже ощутил, как наконец с души спадает тяжесть.

Сян-дасао краем глаза наблюдала за Цинь Хэ - сколько она ни смотрела, он вовсе не казался ей таким уж больным. Хотя, конечно, в Юнци нравы открытые, к шуаньэрам здесь относятся терпимо: вдовам позволено повторно выходить замуж, супруги могут держать торговые лавки, а молодые пары, не живущие с родителями, позволяют себе многое. Например, жена может спать до полудня, а проснувшись под крики уличных торговцев, спустить с окна корзинку с парой монет, чтобы торговец положил туда две лепёшки, и она поднимет их наверх, не сходя с кровати.

Но даже с таким вольным бытом ни в одной семье не видела она, чтобы муж носился с супругом, как Куй У с этим Цинь Хэ. Уже сколько времени прошло, а тот всё ещё спит! А Куй У за это время и мясо купил, и соседку позвал помочь приготовить, и всё ради того, чтобы его супруг не утруждал себя...

Все говорят, что у Куй У злой характер, что он под стать богу смерти, и ни одна порядочная девушка или шуаньэр не захотят за него идти. Но кто бы мог подумать: такой «пугающий» человек, став мужем, так беззаветно и беспринципно балует своего супруга.

С такими мыслями Сян-дасао украдкой взглянула на свою дочь: если бы и ей попался такой супруг, который бы так же о ней заботился, вот бы счастье...

— Сян-дасао... — снова позвал Цинь Хэ. Лишь когда дочь потянула мать за рукав, та наконец пришла в себя.

— А? Брат Цинь позвал? — в Юнци к шуаньэрам принято обращаться «брат», как к девушкам - «нянцзы», вне зависимости от того, женаты они или нет. — Брат Цинь, ты, должно быть, проголодался? Я сейчас же приготовлю.

— Не стоит, — Цинь Хэ с неловкой улыбкой покачал головой. — Мне уже лучше, поесть я и сам приготовлю. Простите, что зря побеспокоили вас.

Он тут же схватил штук пять-шесть конфет и вручил их Сян-дасао:

— Прошу прощения, что так вышло...

Цинь Хэ был так вежлив и ещё угостил сладостями - Сян-дасао не знала, как и возразить. Она замахала руками:

— Да ничего страшного, Куй-далан просто за тебя переживал. Забота, она такая, голову путает. Раз ты в порядке, мы тогда пойдём. А сладости... ну что ты, оставь себе.

- Нет, вы обязательно возьмите, — Цинь Хэ с улыбкой снова протянул конфеты. — Иначе мне на душе беспокойно будет.

- Ну... ладно, — Сян-дасао улыбнулась, мельком бросив взгляд на корзину за спиной Куй У, и, взяв угощение, увела с собой дочь.

Уже по дороге Сян-сяоцзянь надула губы:

— Мама, этот Цинь Хэ просто грубиян! Это что, шутки такие? Сначала сам Куй У нас просит прийти, а потом он нас выгоняет - что это вообще было?

Сян-дасао тяжело вздохнула. Её глаза, видевшие многое в жизни, с мягкой грустью посмотрели на дочь:

— Ты ведь ровесница Цинь Хэ, а вот судьба у вас разная. Его в семье не жаловали, рос, как трава на обочине, без заботы. А ты? Рано осталась без отца, вроде бы и должна быть понятливее, взрослее. Но ты всё равно избалована. Мы с отцом слишком тебя любили и баловали, вот и ума меньше, чем у Цинь Хэ, да и сердце не такое прозорливое.

Сян-сяоцзянь недовольно надулась:

— Мама, что ты такое говоришь? Ты кого хвалишь, а кого ругаешь?

— Ты что, не поняла? Цинь Хэ к нам сдержанно вежлив, но не близок. Это он держит с нами дистанцию. Осторожничает.

— Ха! — Сян-сяоцзянь вспыхнула. — Осторожничает он с нами, значит! Его Куй У что, какая-то драгоценность, что все его хотят? Разве он не знает, что девушки в нашем городе готовы умереть, лишь бы не выходить за него? И Цинь Хэ, разве он сам раньше не кидался в реку?! Всего-то поел пару раз мяса, и уже решил, что его Куй У стал каким-то неотразимым красавцем, от которого все без ума?! Нет уж, пойду-ка я с ним разберусь, пусть объяснится!

— Объяснится? — Сян-дасао резко схватила её за запястье. — А с чего ты взяла, что он тебя чем-то обидел? Цинь Хэ ведь ни разу не сказал дурного слова ни про Куй У, ни про тебя. Даже сегодня, пусть он и не стал нас просить остаться, но всё равно дал нам сладости. Это чтобы «закрыть рот». Он всё сделал по-человечески. И даже если бы это была настоящая служба, а тебя бы работодатель отпустил домой, ведь не уволили, а просто не потребовалась помощь. Что в этом такого? А тут просто попросили помочь с обедом, но фулан поправился, вот и справится сам. Всё честно.

— А то, что он осторожничает. Да и правильно делает! Потому что вы разного пола, даже если ни один не был бы женат, всё равно нельзя забывать о приличиях. Что тут непонятного?

После такого нагоняя глаза Сян-сяоцзянь налились слезами:

— И что, мы просто так смирился с этой несправедливостью?

- Цинь Хэ никогда тебя не обвинял, — Сян-дасао упрекала дочь с досадой. — Ты хоть раз слышала, чтобы он за глаза или в лицо сказал про тебя что-то плохое? Он просто поступает по правилам, соблюдает приличия, вот и всё.

Она помолчала, потом тяжело вздохнула и продолжила уже более мягким тоном:

- Сяо-нянь, ты ведь уже не ребёнок. Неужели в такой момент не можешь быть хоть чуть-чуть благоразумной? Прежде чем что-то говорить или делать, подумай. Я и не жду от тебя особой проницательности, но разве можно, чтобы даже шуаньэр оказался рассудительнее тебя?

Когда мать с дочерью ушли, Куй У в доме заметно занервничал. Он подошёл к Цинь Хэ и стал оправдываться:

— Я видел, что ты с утра выглядел неважно, вот и позвал их помочь. Я помню, что ты говорил раньше, правда. Просто в тот момент я подумал, что среди знакомых только у дасао еда более-менее вкусная выходит...

Он бросил осторожный взгляд на лицо Цинь Хэ, боясь, что тот рассердится, и поспешно добавил:

— Если тебе не нравится, больше не буду их звать. Даже если придётся в следующий раз бежать за готовой едой в ресторан, всё равно не стану звать.

Цинь Хэ улыбнулся, теперь он уже окончательно успокоился. Тон его был мягким, но искренним:

— Не то чтобы они мне не нравятся. Просто... от них обеих идёт какое-то странное ощущение. Словно что-то не так. И мне это неприятно.

- Понял тебя.

Цинь Хэ улыбнулся:

— На самом деле, это и не такое уж большое дело. Не стоит придавать этому слишком много значения. Просто я в первую очередь переживал, что дасао может испортить мясо. Такое хорошее мясо... мне бы было жалко.

Он сделал паузу и вдруг мягко позвал:

— Далан...

Этот оклик заставил сердце Куй У глухо вздрогнуть, будто кто-то ударил по нему. Он инстинктивно понял, что Цинь Хэ хочет заговорить... о том самом. Его взгляд тут же метнулся в сторону, уклоняясь от встречного взгляда, как будто хотел притвориться, что ничего не слышал.

— Далан, — снова позвал Цинь Хэ. — Давай поговорим о вчерашнем.

Куй У резко поднял голову. Его глаза покраснели, в них будто застыла кровь. Он мгновенно вскочил, схватил за запястье тонкую руку Цинь Хэ, да так крепко, что тому показалось, будто кость вот-вот сломается.

— Не о чем говорить. Я не хочу ничего слышать, — голос Куй У был холодным и жёстким, а выражение лица - пугающе суровым. Именно таким его и знали в Дишуге - страшным, опасным, с дурной славой. Вся его аура в этот момент стала угрожающей, отчего по спине пробежал холодок.

— Я только знаю одно: я женился на тебе. С тобой совершил три поклона. Ты - мой фулан. Всё остальное мне не нужно знать. И я не хочу знать.

Он пристально посмотрел на Цинь Хэ и ледяным голосом спросил:

— Ты понял меня?

Цинь Хэ, кажется, понял.

Он не знал, чем заслужил такую бережность и преданность от Куй У. Не знал, за что был удостоен такого отношения, достаточно было просто остаться рядом, и Куй У ни о чём не спрашивал, ничего не требовал.

В прежнем, постапокалиптическом мире, его жизнь, возможно, не стоила и муравьиной, но он был по-настоящему везучим - попав в этот мир, он повстречал Куй У. И только теперь понял, что значит быть любимым, защищённым так глубоко - до самых костей, до самой души. Стоило хоть раз это испытать, и уже никогда не отпустишь.

— Далан, у меня запястье болит, — тихо сказал он.

Куй У инстинктивно ослабил хватку. Увидев синеватые отпечатки пальцев на бледной коже Цинь Хэ, в его глазах на миг промелькнуло раскаяние.

— Я принесу мазь, — буркнул он, повернулся и пошёл в спальню. Вернулся с маленькой фарфоровой баночкой, сел рядом и аккуратно, чуть ли не по миллиметру, начал втирать мазь в повреждённое запястье.

— Всё ещё болит?

— Уже нет, — ответил Цинь Хэ. — У тебя ведь сила большая, далан. Не сжимай меня так сильно в следующий раз. Я боюсь, что ты мне и правда кости переломаешь.

— Прости... Я не сдержался. Больше такого не будет.

Цинь Хэ посмотрел на него и улыбнулся. Сейчас он совершенно не злился. Наоборот, в его душе было удивительное тепло и покой.

Цинь Хэ сказал:

— Тогда хорошо. В знак благодарности я больше никогда не буду говорить то, что тебе неприятно слышать.

Что именно он имел в виду, оба понимали без слов.

В тот же миг мрак в глазах Куй У рассеялся, словно звёзды вспыхнули в ночном небе. Он резко притянул Цинь Хэ в объятия, крепко прижал к себе, зарывшись лицом в его волосы, глубоко вдыхая такой знакомый, родной запах.

— Фулан, ты навсегда останешься моим фуланом. Всё остальное не важно. И слышать я ничего не хочу, — прошептал Куй У. Его голос был хриплым, словно в горле у него скребла наждачная бумага. Он не сдержался и слегка коснулся языком мочки уха Цинь Хэ. В этом было что-то неосознанно соблазнительное, будто само желание проникло в его голос.

— И ещё... С этого дня и до конца жизни, что бы ни случилось, я всегда буду тебя защищать. До самой смерти.

Он не умел красиво говорить, не знал высоких слов, но его простая фраза попала прямо в самое сердце Цинь Хэ.

Он мужчина, и вроде бы должен быть сильным, не нуждаться в защите. Но только он сам знал, что после всех ужасов и смертей, пережитых в конце света, он всего лишь хочет спокойно жить. Хочет, чтобы кто-то остался рядом, несмотря ни на что, и был готов защищать его до конца. И точно так же, он был готов отдать свою ничтожную жизнь, чтобы всем сердцем любить и защищать этого человека.

Теперь он действительно нашёл этого человека и завладел им.

Цинь Хэ как раз был охвачен чувствами, когда вдруг почувствовал, как по пояснице прошлась горячим, обжигающим прикосновением мужская ладонь.

С трудом сдерживая слёзы, он срывающимся голосом зашептал, пытаясь вырваться:

— Нельзя, далан, правда не надо...

Но Куй У будто не слышал его мольбы, лишь надавил плотнее.

И вдруг...

Бурлл-бурллл... - громко заурчал живот Цинь Хэ.

Куй У мгновенно застыл, ослабил объятия. Цинь Хэ не упустил момента, тут же выскользнул из его рук и, как вспугнутый кролик, бросился прочь. Куй У лишь усмехнулся, глядя ему вслед, и с беспомощной нежностью покачал головой.

Цинь Хэ в это время чувствовал, что вот-вот свалится с ног от голода, живот будто прилип к позвоночнику. В голове промелькнула сотня рецептов, но желудок требовал простого и быстрого, поэтому решил не выдумывать лишнего.

Он бросил взгляд на разные виды мяса, которые принёс Куй У, и в голове сразу сложился план.

— Далан, — сказал он, оборачиваясь к Куй У, который как раз вошёл на кухню. — Ты пока протоми кишки. Я потом сделаю жареные с хрустящей корочкой, а ещё на пару приготовлю мясо для белой нарезки.

Вот только двумя блюдами сытно не наешься, подумал Цинь Хэ, поэтому он быстро обжарил немного свинины с древесными грибами и капустой, добавив к тем двум блюдам ещё одно. Все три блюда готовились быстро: мясо на пару шло вместе с варкой риса - как только рис сварился, готова была и свинина.

После обеда Куй У достал из рукава и передал Цинь Хэ все 503 вэнь - основная сумма была за десять цзиней конфет, отправленных в дом Ли, остальное - за те четыре цзиня, которые он сбыв через друзей. Деньги, потраченные на мясо, Куй У отдал из своего кармана.

— Ты всё продал? — удивился Цинь Хэ, даже немного обрадовавшись.

Куй У, не моргнув и глазом, совершенно спокойно и уверенно кивнул.

— Сегодня чистая прибыль сто двадцать два вэня, — подсчитал Цинь Хэ, бросив взгляд на пустую тарелку, в которой недавно лежало мясо. — Сегодняшняя прибыль ушла на мясо. По сути, мы вышли в ноль.

Цинь Хэ нахмурился. Так не пойдёт. Они с Куй У без мяса и дня не проживут, а если прибыль будет вот так вся уходить на еду, скоро проедят даже те сбережения, что остались у Куй У. Нужно срочно думать, как увеличить доход.

Цинь Хэ уставился на медные монеты, лежащие на кровати, и внезапно глаза его загорелись.

— Далан, я придумал способ, как зарабатывать деньги! — воскликнул он.

— Какой способ? — отозвался Куй У, который как раз мыл посуду на кухне.

Цинь Хэ вприпрыжку прибежал в кухню, глаза сияли, лицо светилось улыбкой.

— Мы будем продолжать продавать мои вырезанные сахарные цветы, но как мы это подадим - вот что главное.

Куй У удивлённо приподнял бровь.

— Смотри, сначала мы наймём нескольких учёных, чтобы они написали романы о талантливых юношах и прекрасных девушках. В каждом из этих романов обязательно будет упоминаться сахарная роза «тан мэйгуй» как символ любви. Будто если юноша подарит девушке девяносто девять таких роз, то её сердце растает, и она обязательно согласится стать его женой.

— А ещё мы наймём художников, у кого рука лёгкая и глаз острый, чтобы они нарисовали пару ярких, цветных иллюстраций. Много не надо, всего две. На одной пусть будет изображена яркая, пышная сахарная роза, на другой - изящный юноша, держащий эти розы и протягивающий их застенчивой красавице, а та с лёгким румянцем принимает их.

Чем больше говорил Цинь Хэ, тем ярче светились его глаза:

— Когда придёт время, мы наймём в нескольких чайных рассказчиков, чтобы они пересказывали истории из этих книжек. С двух сторон ударим, и точно сахарные розы станут популярными.

— Твои сахарные розы и так очень красивые. Даже без всех этих уловок они бы хорошо продавались, — похвалил Куй У.

— Но это всего лишь “хорошо продаются”, а я хочу не просто хорошо, а дорого, — Цинь Хэ потрогал подбородок, обдумывая план. — Если получится, лучше бы нам найти одного из тех юношей, которые особенно нравятся девушкам из хороших семей в городе, и попросить его помочь. Не нужно, чтобы он и правда дарил розы кому-то, пусть просто пройдёт с ними по улицам города.

— Оставь это мне, — Куй У тут же согласился. — Я что-нибудь придумаю. Обязательно найду подходящего человека, чтобы поднять шум.

— Прекрасно! Если мы найдём такого человека, наши сахарные розы точно станут в сто раз дороже.

Взгляд Куй У упал на руки Цинь Хэ. Он помнил, что Цинь Хэ потратил целый час, чтобы вырезать всего одну сахарную розу. Девяносто девять роз - это девяносто девять часов.

Цинь Хэ с улыбкой сказал:

— Ничего, просто рука ещё не набита, поэтому вырезаю медленно. Когда потренируюсь, возможно, за час смогу делать по две-три розы.

— Даже так до девяносто девяти штук ещё далеко.

— Мы просто назначим высокую цену, и тогда покупатели не станут просить сразу девяносто девять, — рассуждал Цинь Хэ. — В государстве Юнци сахар для обычной семьи - это роскошь. Люди покупают его в основном для еды, важен вкус. Конечно, если вещь ещё и красивая - это плюс. Но даже если она некрасивая, лишь бы вкусная, всё равно пойдёт. А вот те, кто готов купить сахарную розу ради красоты, точно из зажиточных семей.

Богатые, когда покупают, смотрят не только на качество, но и на цену - чем дороже, тем больше чести. Цинь Хэ вспомнил, как в прошлом, до апокалипсиса, он читал в каком-то журнале статью о бренде обуви. В статье говорилось, что в дождь такую обувь носить нельзя, только нести в руке, а самому идти босиком. Тогда они все катались со смеху, не понимая, как вообще устроены мозги у людей из «прошлого мира». Обувь ведь, по сути, нужна для защиты ног, как это так: дождь пошёл, а ты снимаешь обувь и несёшь её? Неужели, если ноги заболеют, их можно, как обувь, просто заменить новой парой?

Но по какой-то причине, после того как женщины на базе посмотрели на это, некоторые из них тоже захотели себе такую пару обуви. Цинь Хэ считал это смешным. Этот журнал был издан более чем за двести лет до начала апокалипсиса. Из-за того, что после нападения зомби города были изолированы, человеческая история претерпела разрывы, и потому тогдашние учёные посчитали данный журнал сомнительным и официально обозначили его как «подлинность не установлена». Ведь до конца света в моде был так называемый «чёрный юмор», и даже специалисты, живущие уже после апокалипсиса, не могли точно сказать, был ли этот журнал реальным культурным артефактом или просто сатирическим вымыслом.

Цинь Хэ, конечно, никогда в это не верил. Он всегда считал, что обувь существует для того, чтобы защищать ноги, а не наоборот, чтобы беречь обувь. Тем не менее, всё это дало ему подсказку, по крайней мере он смог немного понять психологию богатых людей. Несомненно, суть их стремлений - это быть не такими, как все, иметь то, что редкость, и самое главное - обладать вещами с такой высокой ценой, что беднякам и мечтать не стоит.

Таким образом, обычные конфеты стоят тридцать два вэня за цзинь, их может себе позволить любой, это товар для простого народа. А вот сахарные розы должны быть предметом роскоши, рассчитанным на богатых.

Цинь Хэ, вертя в руках вырезанную им сахарную розу, сказал:

— Я думаю, сахарные розы нельзя продавать поштучно. Девять штук в один букет, перевязать красивой цветной бумагой. На бумаге должны быть написаны изысканные стихи или нарисованы трогательные сцены из жизни влюблённых учёных и красавиц.

— Такой букет из девяти сахарных роз будет стоить один лян серебра. Тогда девяносто девять штук обойдутся в одиннадцать лян. Думаю, найдётся немного желающих купить столько. А если всё же кто-то купит, мы всегда можем нанять мастеров, чтобы срочно изготовить. — Цинь Хэ добавил: — В любом случае, если дело пойдёт, мне одному не справиться, рано или поздно всё равно придётся нанимать людей.

— Людей можно нанимать, — полностью согласился Куй У. Для него главное, чтобы его супруг не уставал, а меньше заработать не беда.

В глазах Цинь Хэ отражались монеты, и он, улыбаясь как во сне, произнёс:

— Далан, мы с тобой на этом деле точно разбогатеем.

Видя, как Цинь Хэ с жадностью заговорил о деньгах, Куй У не сдержал улыбки:

— Ты для начала подумай, сколько таких роз сам сможешь вырезать.

— Торговец уже доставил всё нужное? Тогда я сейчас же начну варить сахар и вырезать, —

Цинь Хэ с воодушевлением закрутился по дому.

Куй У, увидев, что он так оживился, сказал:

— Тогда я пойду искать того уважаемого господина, который сможет повлиять на вкусы городских барышень, и заодно поищу грамотных, кто сможет написать рассказы для книжек.

— Насчет знатного молодчика ты можешь пока просто приглядеться, — быстро сказал Цинь Хэ. — А вот к писателям мы с тобой должны пойти вместе. От того, хорошо или плохо будет написана история, зависит наш успех. Надо найти того, кто пишет хорошо, но не заламывает цену. К тому же учёные люди гордые. Есть такие, у которых нос к небу задран. Боюсь, ты не выдержишь и ещё врежешь кому-нибудь.

— Я ведь не бью людей просто так, — Куй У не понял, почему Цинь Хэ так о нём говорит.

Цинь Хэ с выражением «да уж, лучше не начинать» посмотрел на него, думая, что это Куй У сам себя не знает. Кто там в своё время без лишних слов врезал Ли Чанфу?

Куй У уже совсем забыл про Ли Чанфу. Точнее сказать, он вообще забывал всех, кого побил. В конце концов, раз уж ударил и выпустил пар, зачем ещё держать их в голове?

Куй У и Цинь Хэ разделились: один пошёл искать помощников, другой остался дома варить конфеты. Как только карамель была готова, и Цинь Хэ уже собрался вырезать, Куй У вернулся.

— Нашёл кого-нибудь? — спросил Цинь Хэ. На лице Куй У, как обычно, трудно было что-либо прочесть.

Куй У кивнул:

— Всё устроилось. Я нашёл двух человек - одного из западного района, из поместья Чжан, другого из поместья Лю. Оба нравятся барышням из пригородов. На праздник Юаньсяо они получают уйму носовых платков.

— Прекрасно. Тогда осталось найти того, кто напишет историю. Есть на примете?

— Можем сходить в частную школу, — предложил Куй У. — Там все учёные: и богатые, и бедные. Я как-то слышал, что бедные учёные иногда подрабатывают - пишут письма, сочиняют рассказы. Если найдём подходящего человека, это не обойдётся нам дорого.

— Тогда давай прямо сейчас и сходим, — Цинь Хэ отложил в сторону готовящуюся к резьбе сахарную розу. Вырезать всегда успеется, а вот если не создать ажиотаж заранее, даже самая дорогая сахарная роза не будет продаваться.

В частной школе только что закончились занятия, там стоял шум, гам, а несколько учеников ещё не разошлись: стояли группками, по трое-четверо, обсуждая пройденный урок.

— «Когда великая дорога будет пройдена, Поднебесная станет достоянием всех. Будут избираться достойные и умелые, все будут жить в гармонии и доверии, старики будут обеспечены до конца жизни...» — читал нараспев Чжэн Кайцзэ слова, произнесённые учителем. Одну руку он держал за спиной. Если бы не молодой возраст, он наверняка уже носил бы длинную бороду, чтобы её гладить в такие моменты. — Вот к чему должен стремиться настоящий учёный! Государство Великой Гармонии, где все равны. Где нет ни голода, ни нужды.

— Брат Кайцзэ, я не совсем с этим согласен, — задумчиво произнёс Чэн Вэй. — Гармония хороша, не спорю, но если все получают одинаково, без учёта труда, то тогда усердные не будут получать должного вознаграждения, а лентяи будут этим пользоваться. Трудящийся и праздный получают одно - разве это не несправедливо?

Чжэн Кайцзэ резким взмахом откинул рукав, лицо его тут же потемнело от гнева.

— Чэн Вэй, я и не знал, что ты такой человек, ищущий власти и богатства! Сегодня наконец увидел тебя настоящего! — в порыве ярости он аж забрызгал Чэн Вэя слюной, та попала тому на лицо и волосы.

Чэн Вэй отступал под его напором шаг за шагом:

— Если бы в Поднебесной каждый мог получать по заслугам, откуда бы взялись лентяи? Разве не нужда толкает их к этому?

Он был прижат к стене, и голос его стал слабее:

— Есть люди по натуре ленивые...

— Неправда! — рявкнул Чжэн Кайцзэ. — Человеческая природа трудолюбива. Всё зло - от злых и жадных чиновников!

Видя, как разгорается спор, другие ученики в частной школе поспешили вмешаться, чтобы разнять их.

— Мы ведь однокурсники, — убеждали они. — Может, в будущем нам посчастливится сдать

экзамены и стать чиновниками в одном управлении. Стоит ли из-за такой мелочи ссориться и портить дружбу?

Чжэн Кайцзэ фыркнул с презрением, горделиво отвечая:

— Неправильно говоришь. Независимо от того, сможем ли мы в будущем служить императору или нет, нельзя отступаться от убеждений в душе. Иначе каким же чистым будет такой чиновник?

И хотя это была добрая попытка уладить ссору, она была встречена холодно. Тот, кто пытался их помирить, оказался не из терпеливых: фыркнув, он развернулся и ушёл, больше не собираясь вмешиваться в эту нелепицу.

Чэн Вэй уже хотел уйти, но Чжэн Кайцзэ никак не унимался, цеплялся к нему с бесконечными доводами, вынуждая продолжать спор. В конце концов, Чэн Вэй не выдержал и в отчаянии воскликнул:

— Брат Шу, выручай!

В углу частной школы, за простым деревянным столом, сидел молодой человек в грубой одежде из небеленого холста, в соломенных сандалиях, с повязкой на голове. Он сосредоточенно работал, склонившись над книгами. Услышав обращение, только тогда он поднял голову:

— И Великая гармония, и Малое процветание - в каждой есть свои плюсы и минусы. Великая гармония - это равенство для всех, но без распределения по труду. Оттого у лентяев появляется шанс воспользоваться системой. В равенстве нет места для тех, кто стремится вверх, и со временем это приводит к разочарованию и падению духа, и в итоге нет уже настоящих слугителей народа.

— С другой стороны, и Малое процветание не идеально: когда есть распределение по труду, появляются богатые и знатные, но при этом на улице умирают от холода, тогда как у ворот знати стынет мясо и вино. Так что у всего есть своя обратная сторона. Как я считаю, будь то Великая гармония или Малое процветание, для народа важнее всего быть одетыми, сытыми и жить в мире и здравии.

Чжэн Кайцзэ мрачно уставился на него:

— Лю Шу, не забывай, твоя мать всё ещё лежит больная, и у вас нет денег на лечение. А ты уже ослеплён жадной чиновничьего богатства. Если ты и вправду станешь чиновником, сколько ещё людей окажутся в таком же положении, как твоя мать?

Всегда сдержанный Лю Шу резко вскочил со скамьи. На лице его отразилась резкая перемена

- он напрягся как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

Но тут вдруг кто-то громко крикнул снаружи:

— Чжэн Кайцзэ! Тебя к воротам зовут! Кто-то пришёл!

Чжэн Кайцзэ как раз воспользовался этим случаем, чтобы выбраться из частной школы, но, выйдя наружу, весь кипел от раздражения. Увидев у ворот двух незнакомцев, один из которых оказался тем, кого он больше всего не выносил, - шуаньэром, его лицо мгновенно омрачилось.

— Простите за беспокойство, господин, надеюсь, вы отнесётесь с пониманием, — сдержанно поприветствовал его Цинь Хэ. Он знал, что учёные люди нередко высокомерны, и то, что они пришли без рекомендации, может быть воспринято как дерзость. Однако он не стал принижаться или заискивать, лишь проявил должное уважение.

— Мы слышали, что у господина прекрасный слог, и потому осмелились прийти с просьбой: написать для нас несколько историй.

Перед тем как прийти, Куй У и Цинь Хэ зашли в книжную лавку «Цзиньсю Шуфан» и, заплатив пять вэней помощнику, разузнали, что Чжэн Кайцзэ часто пишет для них любовные повести. Как сказал помощник, семья Чжэн бедна, он регулярно приносит рукописи, а когда не может придумать новый сюжет, зарабатывает переписыванием текстов. Когда же Цинь Хэ в благодарность дал ему ещё и две конфетки, тот втайне поведал, что Чжэн Кайцзэ в основном пишет романтические и даже откровенно пикантные истории, так что для их дела это как раз подходящий человек.

Услышав это, лицо Чжэна Кайцзэ потемнело ещё сильнее. Он и без того был раздражён, а тут ещё шуаньэр прямо у ворот частной школы требует, чтобы он написал для него истории - для Чжэна это стало оскорблением. Он считал, что его унизили. Обычно он тайком относил свои рукописи в книжную лавку, чтобы об этом не знали однокурсники, так как боялся, что те начнут презирать его за это. А теперь всё было выставлено напоказ, да ещё с таким «позором», как будто кто-то содрал с него кожу и растоптал её на глазах у всех.

— Проваливай! — взорвался он и с яростью толкнул Цинь Хэ. — Мои сочинения - это стратегии по управлению государством и службе императору. А тут какой-то там шуаньэр смеет просить меня сочинять для него истории?!

К счастью Куй У, ловкий и сильный, быстро среагировал: всего одним движением он перехватил Чжэна и бросил его на землю. Чжэн Кайцзэ с трудом поднялся, весь в пыли, с лицом, полным унижения, и, злобно отряхивая рукава, прошипел:

— Вы дикари!

Несколько однокурсников, которые всё это время тайком наблюдали, презрительно переглянулись:

— Он ещё говорит, что Лю Шу пресмыкается перед знатными... Да он сам больше всех кланяется перед влиятельными. Даже сейчас, когда речь всего-то о написании рассказов, а он уже задирает нос перед людьми.

— Ха, я слышал, что семья Чжэна Кайцзэ вовсе не такая зажиточная, как он всем рассказывает. Не держат они никакой лавки, обычные деревенские крестьяне. Вся семья еле сводит концы с концами, лишь бы он мог учиться, а он тут ведёт себя, будто родился в золоте, шикует на каждом шагу.

— А, брат Шу, ты чего сегодня так рано уходишь? — окликнул кто-то из одноклассников.

Лю Шу мягко ответил:

— Мать нездорова. В последнее время я стараюсь пораньше возвращаться.

Заметив вдали Цинь Хэ и Куй У, он спросил:

— Что произошло? Разве они не к Чжэн Кайцзэ пришли? С чего разгорелся спор?

Однокурсники наперебой пересказали ему случившееся. Выслушав, Лю Шу глаза загорелись:

— Истории, говорите? Я могу писать.

Он решительно обошёл однокурсников и, широким шагом, подошёл к Цинь Хэ и Куй У:

— Господа, прошу вас, не уходите.

Ошеломлённые, Цинь Хэ и Куй У обернулись и увидели приближающегося юношу: худощавого, с мягким лицом, будто один порыв ветра мог бы сбить его с ног.

Щёки юноши горели румянцем то ли от волнения, то ли от поспешного бега.

— Позвольте спросить, уважаемые господа, вы ищете кого-то, кто напишет для вас повесть?

— Да, а вы кто? — спросил Цинь Хэ.

— Простите, забыл представиться. Меня зовут Лю Шу, я ученик этой школы, однокурсник

Чжэна Кайцзэ. В свободное время я пишу повести и сдаю их в книжные лавки, также подрабатываю перепиской. Если вам нужен кто-то, кто мог бы написать повесть, я подхожу идеально. Уверю вас, пишу не хуже Чжэна и готов дорабатывать текст, пока вы не останетесь довольны.

Цинь Хэ и Куй У переглянулись, и в глазах обоих вспыхнула радость: они уже почти потеряли надежду найти подходящего автора сегодня и думали искать кого-то другого.

— Пойдёмте, поговорим в более спокойном месте, — предложил Цинь Хэ.

— Хорошо.

Цинь Хэ выбрал небольшую чайную, где за десять монет можно было взять простую заварку и спокойно посидеть.

— Господин Лю, нам нужно несколько коротких рассказов в жанре “талантливый юноша и прекрасная девушка”, с романтикой и поэтичностью. Сюжет можете выбрать по своему усмотрению, главное, чтобы было интересно. Только одно условие: в каждой истории должна обязательно фигурировать сахарная роза. И не просто упоминаться, а играть важную, незаменимую роль.

Лю Шу быстро задумался:

— Сахарная роза - это что?

— Я принёс с собой. — Цинь Хэ достал из маленькой корзинки вырезанную из сахара розу и показал её Лю Шу.

Тот изумился:

— Какая красивая! Пахнет сладко... Так это вырезано из сахара? Неудивительно, что называется "сахарной розой".

— Готовые истории мы будем заказывать чтецам в чайных, чтобы они их рассказывали публике. Надеюсь, вы не возражаете. — добавил Цинь Хэ. — И ещё вопрос: вы умеете рисовать? Мы хотели бы вставить в книжечки по одной-две иллюстрации.

В памяти Цинь Хэ всплыло, что в это время образованные люди ценили так называемые шесть искусств джентльмена, в том числе музыку, шахматы, каллиграфию, живопись. Поэтому многие из них умели и писать, и рисовать. Пусть они не были мастерами, но уровень у большинства был приличный.

— В живописи я не так уж плох, могу и рисунки приложить. — поспешил заверить Лю Шу. — Раз уж это вы, господа, заказали у меня истории, то они целиком ваши. Можете делать с ними всё, что угодно.

— Только вот... как насчёт оплаты? — Лю Шу немного смутился. — Скажу честно, моя мать долго болеет, срочно нужны деньги на лечение.

Цинь Хэ немного подумал и сказал:

— За пять историй я дам тебе один гуань.

Лю Шу в основном всё своё время отдавал учёбе. Рассказы он писал лишь изредка, чтобы хоть немного подзаработать, так что особой известности не имел. Для него такая сумма была настоящим подарком судьбы.

— Когда вам нужно? — спросил он.

— Чем скорее, тем лучше. Но с условием: чтобы было качественно и грамотно. Если ты настроишь ерунду, где у истории ни головы, ни хвоста, мы такое не возьмём.

— Об этом не беспокойтесь, раз уж я согласился, то обязательно напишу так, чтобы вы, господа, остались довольны. Только... могу ли я попросить выплатить гонорар заранее? — на этих словах лицо Лю Шу покраснело до самых ушей, но он действительно был прижат к стене - болезнь матери требовала немедленных затрат.

Цин Хэ немного подумал и согласился. Хотя не все учёные отличаются высоким нравственным обликом, их легко контролировать: потеря репутации означает конец карьере. А один гуань серебра, хоть и не мелочь, для него не был критическим. Зато, возможно, спасёт кому-то жизнь.

Передав серебро, он попросил Лю Шу оставить расписку.

— Спасибо! Спасибо вам! — прерывисто благодарил Лю Шу.

...

— Мама, я вернулся! — дверь скромной соломенной хижины на окраине города распахнулась, Лю Шу стремительно вошёл внутрь, ведя за собой врача. — Мама, я привёл лекаря!

С кровати слегка приподнялась худая женщина. Только она открыла рот, как её тут же настиг сильный приступ кашля. Прошло немало времени, прежде чем она, отдышавшись, слабо сказала:

— Сынок, у меня ведь всё то же, старая болячка... Зачем звать доктора? Эти деньги лучше бы сберёг на своё обучение. В следующем году тебе сдавать экзамены, а там без серебра никуда...

Слова матери Лу были обращены к Лю Шу, но её затуманенные глаза, казалось, смотрели сквозь него куда-то вдаль. Каждый раз, когда Лю Шу сталкивался с этим помутневшим взглядом, сердце его словно разрывалось от боли. Когда ему было восемь лет, его отца убили хучжэни. С тех пор они с матерью остались одни. Мать, несмотря на все трудности, не вышла повторно замуж, посвятила себя воспитанию сына, мечтая увидеть, как он сделает карьеру.

В самые лютые морозы она стирала одежду, вечерами при тусклом свете масляной лампы вышивала, глаза испортила именно от долгой работы в полумраке и теперь почти ничего не видела. Самое яркое воспоминание Лю Шу - это глаза матери в детстве: яркие, как осенние воды, сияющие, будто могли сводить с ума не одного юношу.

— Мама, тебе не о чем волноваться. Мне заказали написание рассказов и заплатили целый гуань серебра.

Мать Лю обрадовалась, но вскоре нахмурилась:

— Ты всё равно не должен тратить деньги впустую. Лучше купи себе что-нибудь съестное, подкрепи здоровье.

Лю Шу только засмеялся, поддакивая, но в глазах его стояли слёзы. После того как лекарь закончил осмотр, он с серьёзным видом покачал головой. Лю Шу тут же проводил его на улицу.

— У старушки давняя болезнь, тело изношено, вылечить трудно, можно только понемногу поддерживать состояние. Но... — лекарь тяжело вздохнул, — Такое длительное восстановление требует много серебра. Расходы немалые, а результат не всегда очевиден. Молодой господин, вам лучше готовиться заранее...

Глаза Лю Шу покраснели, и он сказал дрожащим голосом:

— Прошу вас выписать лекарство. Пусть я даже не стану учёным, пусть и не сдам экзамены, но я обязан вылечить болезнь моей матери.

У Цинь Хэ же всё шло своим чередом, но дела стали заметно напряжённее, он был занят как никогда. После того как днём он продавал конфеты, сразу возвращался домой и принимался вырезать цветы из сахара. Чтобы успеть сделать как можно больше роз до начала масштабной кампании, он сидел за работой до глубокой ночи, освещая стол масляной лампой. Это серьёзно нарушало ночной «отдых» Куй У.

Через три дня Куй У больше не выдержал и пригласил свою младшую сестру помочь с продажей конфет. Так Цинь Хэ смог остаться дома, днём сосредоточиться на вырезании роз, а

ночью больше не сидеть при свете лампы и, соответственно, не мучить мужа.

Хотя семья Куй У уже формально разделилась, отношения между родственниками оставались хорошими. Родители Куй изначально поддерживали идею разделения, втайне они больше склонялись в пользу старшего сына. Куй У с юности имел плохую репутацию, и из-за этого долго не мог жениться, даже когда его младшие братья уже обзавелись парами, он всё ещё оставался один. Но при этом у него была хватка, смелость, умение рисковать и действовать. А без разделения семьи все его заработки шли бы в общий котёл, и содержать пришлось бы всю большую родню. Если бы у него уже была жена, это ещё можно было бы терпеть, семья есть семья, кто сколько может, тот столько и вносит. Но беда была в том, что у Куй У не было жены. Все деньги, которые он зарабатывал, по правилам семьи поступали в общий котёл, шли на нужды всего семейства, и в итоге никто особо не благодарил его за вклад, ведь каждый, кто зарабатывал, делал то же самое.

Однако именно Куй У приносил в дом больше всех, и, следовательно, оставался без ни гроша личных накоплений. А что будет, когда он состарится? Без собственных сбережений, без жены и детей, кто будет о нём заботиться? Надеяться на племянников и оправдываться тем, что когда-то кормил их - такая надежда несбыточна.

После долгих раздумий мать Куй решила выделить старшего сына в отдельное хозяйство. С этого момента каков бы ни был у него доход, хорошая ли жизнь или трудная, всё зависело только от него самого. Кроме того, мать верила: без обузы в виде многочисленной родни, Куй У, как мужчина способный и деловой, обязательно накопит денег и со временем сможет сосватать себе жену.

Младшую сестру Куй У звали Куй Сяохуа. Родители дали ей это имя в надежде, что она вырастет такой же нежной и прекрасной, как цветок. Но, увы, гены в семье Куй были не самыми благосклонными. Все дети, и сыновья, и дочери, рождались крупными и рослыми. Для мальчиков это было, может, даже и к лучшему, а вот девушкам повезло куда меньше: стать настоящей красавицей с такой комплекцией было тяжело.

Старших двух дочерей матери Куй с великим трудом удалось выдать замуж - просила, уговаривала, чуть ли не на коленях умоляла. А вот младшая, семнадцатилетняя Куй Сяохуа, до сих пор оставалась при доме - настоящая головная боль.

Куй Сяохуа была не промах: бойкая, вспыльчивая, языкатая. Ещё лет в двенадцать-тринадцать как-то раз дала по физиономии мальчику, который при всех посмеялся над её внешностью, да так сильно, что выбила ему один глаз. С тех пор слава шла впереди неё.

Поэтому когда Куй У попросил сестру помочь с продажей сладостей, мать была категорически против. И без того дочка чересчур резкая, а если ещё и по рынку начнёт шастать, с мужиками торговаться - ещё хлеще станет. Внешность у девочки не самая привлекательная, а характер уж точно не из тех, что приглянется приличным парням. А что если и она, как её старший брат, к тридцати годам так и не выйдет замуж? Ужас, волосы можно на себе рвать!

Но Куй Сяохуа настояла на своём, хотела зарабатывать, копить себе на приданое. Мать, подумав, решила: раз уж её старший сын, при всей своей угрюмой, нелюдимой внешности сумел найти себе такого беленького, нежного и приятного шуаньэра, как Цинь Хэ, благодаря сбережениям, то и у дочки с приличным приданым может получиться. Может, найдётся какой-нибудь малец, которому деньги глаза застелют, и он решится закрыть глаза на внешность ради выгодной женитьбы.

Что будет потом, мать Куй даже не переживала. С характером её дочери, если муж и попробует в браке показать характер, она его оскопит. Да и брат под боком, с его репутацией Ша-шэня, кто рискнёт его сестру обидеть? В общем, в представлении матери Куй, тот, кто осмелится жениться на её дочери - герой, который наверняка уже давно простился с жизнью.

Младшая сестра Куй положила в рот третью конфету. Лицо Куй У выражало целую гамму чувств, и он наконец не выдержал:

- Сяохуа, посмотри на себя, на кого ты стала похожа? Хватит есть, ты что, правда не хочешь найти мужа?

Куй Сяохуа так разозлилась, что чуть не кинулась царапать ему лицо. Но, увы, это же её старший брат Куй У, знаменитый в городе Дишуй грозный Ша-шэнь, а не какой-нибудь хилый мальчишка. Подойти да вмазать у нее кишка тонка.

Поэтому она только зло огрызнулась:

— Сам-то при такой роже женился! А я, по-твоему, не найду себе мужа?!

Как только речь зашла о супруге, Куй У тут же надулся от гордости, выпятил медвежью грудь, хлопнул по ней широкой как веер ладонью и важно заявил:

— Чего ты в этом понимаешь! Мой фулан как раз и любит мою богатырскую статью. Говорит, рядом со мной как за каменной стеной. Слышала про чувство безопасности? Это когда рядом я, и больше ничего не страшно!

Он критически оглядел младшую сестру:

— А ты, скажи на милость, зачем так разъедаешься? Ты ж всё-таки девушка! Неужто думаешь, парень тебя к себе домой возьмёт... ради чувства безопасности? Если вы поругаетесь, не боишься, что ты его в порошок сотрёшь?

— Ты... — Куй Сяохуа едва не разрыдалась от злости, но в итоге только злобно прошипела: — Не смей называть меня Куй Сяохуа! Зови просто младшая сестра!

Она всю жизнь терпеть не могла своё имя «Сяохуа» (в переводе: «маленький цветочек»). Была

уверена, что если бы семья не дала ей такое приторно-женственное имя, она бы точно выросла изящной и утончённой красавицей. Совсем позабыла, что у неё есть ещё две сестры, у которых вовсе не такие «цветочные» имена, а телосложение всё равно такое же, как у неё.

С тех пор и до самого возвращения домой, Куй Сяохуа не сказала брату ни слова. Даже когда Цинь Хэ пригласил её остаться на ужин, она, вопреки своим обычаям, отказалась и ушла, не дождавшись еды.

Цинь Хэ с недоумением спросил:

— Странно. Разве не она всегда с радостью оставалась поесть? Каждый раз, как я её зову, она радуется, как ребёнок. А тут взяла и ушла. Почему?

Куй У, совершенно не теряя аппетита, хлебнул ещё чашку бульона с косточками и беззаботно ответил:

— А, может, совесть проснулась. Поняла, что при такой комплекции выйти замуж за бедного парня - это его погубить. Вот и решила не есть, худеть, наверное, начала.

Цинь Хэ нахмурился:

— Не надо так говорить за спиной своей сестры.

Куй У кивнул с серьёзным видом:

— Верно, я должен был сказать ей прямо: при её костяке хоть умри с голоду, всё равно не поможет.

Цинь Хэ: «...»

Он только вздохнул про себя. Ну как так? Куй У, пусть и грубоват, с ним-то всегда обходился бережно, даже порой говорил такие вещи, что у Цинь Хэ на сердце теплее становилось. Но стоило ему открыть рот при ком-то другом, будь то посторонний или даже родная сестра, он становился прямо-таки железобетонным человеком: твёрдый, прямой, непреклонный... и совсем без тормозов.

Через пять дней Лю Шу закончил написание сборника рассказов. Куй У нашёл несколько сказителей, чтобы те начали рассказывать эти истории в чайных домиках внешнего города Дишуя. Хотя суть историй вращалась вокруг любовных интриг и красивых романов, благодаря литературному таланту Лю Шу они получились особенно захватывающими - слушатели не могли оторваться. Особенно один рассказ полюбился публике: в нём небесная фея по имени Мэйгуй (Роза) влюбляется в земного учёного и, отказавшись от бессмертия, становится простой смертной, чтобы выйти за него замуж.

До встречи с феей Мэйгуй, учёный был настолько беден, что скоро пришлось бы продать последние штаны. Но после свадьбы с ней всё изменилось: Мэйгуй с помощью магии обеспечила их дом пищей, мясом, а затем тайно принесла с небес бессмертные пилюли, чтобы лечить людей и зарабатывать деньги. Горожане стали звать её живым бодхисаттвой, а сам учёный благодаря ей стал пользоваться уважением и любовью народа.

Позже в уезде, где он жил, жена уездного начальника внезапно заболела странной болезнью, которую не брало ни одно лекарство. Уездный чиновник, потеряв надежду, обратился к Мэйгуй. И действительно, одна её пилюля исцелила больную. С тех пор чиновник стал смотреть на учёного иначе: открыто хвалил его при народе, а потом даже порекомендовал в ученики к одному из самых уважаемых учёных своего времени. Учёный быстро пошёл в гору, стал единственным за последние годы, кто трижды подряд сдавал государственные экзамены на высший балл, и был удостоен похвалы от самого императора. Дальше как будто сама судьба вела его: он стремительно поднимался по служебной лестнице и в конце концов стал канцлером империи. И всё это время, чтобы ни происходило, фея Мэйгуй всегда была рядом. Если кто-то пытался строить против него козни, Мэйгуй находила способ их разрушить. А если он сам по незнанию задевал важного сановника, вскоре в доме этого сановника непременно тяжело заболел кто-то из близких, и лишь Мэйгуй могла их спасти. В такие моменты высокопоставленный чиновник, не имея другого выхода, в конце концов всегда находил способ обратиться за помощью к жене учёного - Мэйгуй. Та вылечивала больного, чиновник оказывался в долгу и уже не только не обвинял учёного, но даже начинал всячески его поддерживать. Со временем, проникшись талантом, достоинством и благородством учёного, они сами искренне помогали ему на пути вперёд.

И вот, когда Мэйгуй и учёный прожили десять лет в счастье, на небесах обнаружили, что фея тайно спустилась в мир людей. Небесные воины были посланы за ней и силой вернули её обратно. Перед расставанием Мэйгуй сняла розу, которую всегда носила в волосах. В тот самый миг, когда она покинула её голову, цветок превратился в розу из сахара.

Мэйгуй сказала: «Эта сахарная роза - я. Когда ты будешь скучать, просто смотри на неё и поговори с ней. Я на небесах всё услышу.»

После её ухода учёный поставил сахарную розу в красивый сосуд и каждый день разговаривал с ней, делился мыслями и тоской. До самой смерти он больше никогда не женился и не взял ни одной наложницы. Всю жизнь у него была только одна жена - Мэйгуй.

Это история была банальной до приторности. Но именно такая и по душе большинству людей. Разве не каждый бедный студент втайне мечтает о стремительном взлёте к богатству и власти? Иначе откуда бы взялись столькие сказания о белых лисах, превращающихся в красавиц, чтобы отплатить добром?

С выходом этой истории все мужчины мечтали жениться на такой, как Мэйгуй - красивой, добродетельной, способной вести хозяйство, быть покорной и всем сердцем помогать мужу строить карьеру. А главное - герою-учёному в повести вообще не нужно было ни о чём заботиться, кроме как читать книжки. Он быстро разбогател, стал чиновником, и даже тогда не обязан был сдерживать свой нрав. Хотел - ссорился с кем угодно, всё равно потом благодаря чудесной жене всё улаживалось: люди болели - она лечила, и все становились союзниками.

А девушки? Девушки мечтали выйти замуж за такого же мужа, как в истории. Они не замечали, сколько отдала Мэйгуй, они видели лишь то, что хотели видеть: муж хоть и был бедным в начале, но имел талант, а потом стал большим начальником и до самой смерти оставался верен одной-единственной жене. Даже когда ей пришлось вернуться на Небеса, он, в расцвете сил, всего тридцать с небольшим, больше так и не женился, не взял наложниц, прожив всю оставшуюся жизнь в одиночестве. Вот это, по их мнению, и есть истинная любовь.

<http://bllate.org/book/13598/1205834>